

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

A promotional image for a book. On the left, a man with a beard and mustache, wearing a blue quilted vest over a brown sweater and blue jeans, carries a black bag. On the right, a woman with long, wavy blonde hair and blue eyes, wearing a white button-down shirt, looks towards the camera. The background is a snowy winter scene with a Christmas tree on the right. A large, stylized red signature is overlaid on the bottom half of the image.

ВОЗВРАЩАЙСЯ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева
Не возвращайся

«Ульяна Соболева»

2021

Соболева У.

Не возвращайся / У. Соболева — «Ульяна Соболева», 2021

Спустя семь лет после гибели любимого мужа Катя соглашается стать женой другого, но в день помолвки ей сообщили, что майор Огнев жив и совсем скоро вернется к ней и к маленькому сыну. Наверное, она должна быть счастлива, ведь любимый выжил, только Кате почему-то кажется, что этот человек врет и он — не ее муж, либо она сходит с ума...ведь все остальные узнали в вернувшемся мужчине Сергея.Нет жестокости и сцен насилия.18+ за эротику.Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ульяна Соболева

Не возвращайся

Глава 1

– Катюш, прошло семь лет. Ты должна начать жить для себя, для Антошки. Жизнь не закончилась. Хватит себя хоронить вместе с ним.

Моя рука потянулась за бутылку с апельсиновым соком, и я поставила ее в тележку. Прошло семь лет...а мне кажется, что семь дней. И совсем недавно я падала на кладбище у могилы и цеплялась руками за деревянный крест, а потом громко кричала, пока военные давали залп в честь майора Огнева. Мертвого майора Огнева. Моего мужа...

– Я давно живу для нас с Тошкой. И у меня все прекрасно.

Ответила машинально и постаралась отогнать воспоминания. Ларка взяла меня за руку и заставила обернуться.

– Не прекрасно. Тошке нужен отец, а тебе нужен мужчина, который будет заботиться о вас, оберегать. Денис прекрасно подходит на эту роль. И он тебе нравится.

Да, Денис мне нравился. Точнее, он меня не раздражал, мне было с ним интересно, он хорошо относился к моему особенному мальчику, и он был единственным, кому Маркиз не гадил в тапки. А еще Денис не знал Сергея, не смотрел на меня с вечным сочувствием и не говорил на эту тему.

– Катя...праздники на носу, прими предложение Кондратьева, сделай вам обоим новогодний подарок, и в следующем году сыграем свадьбу. Нарожай еще малышей.

Мысль о том, чтобы нарожать еще малышей, показалась мне ужасней, чем мысли о свадьбе. Как будто я предаю Антона и меняю его на других, лучших, чем он. Я потянулась за банкой с зеленым горошком. Как у Ларки все просто. Приняла предложение, сыграли свадьбу, нарожали детей. Болезненная тема, как будто надо бы родить еще, чтобы исправить предыдущую ошибку.

– Как думаешь, в этом году приготовить оливье или уже надоело? Я думала, оставить только из крабовых, но Сергей так любил...

– Вот именно, Катя, любил. Ключевое здесь окончание «ил». Поэтому, если надоело оливье, ну его к черту. Приготовь селедку под шубой и не парься.

Но я все же поставила банку с горошком в тележку. Тошка тоже ест оливье, а вдруг он захочет в этом году, а его не окажется.

– Знаешь... я вот понимаю тебя. Ты особенная, ты героическая, верная, преданная. Но кому это на фиг надо в наше время? У тебя куча денег уходит на развитие Тошки, ты постоянно в этом варишься одна. Работаешь на двух работах и еще третью пытаешься взвалить, эта фирма, которая на последнем издыхании, как чемодан без ручки, одни расходы и долги. Пора опереться на сильное плечо...начать все с чистого листа. И долги эти...они тебя скоро задуют, а Дэн...он может тебе помочь финансово и поможет. Я с ним об этом говорила.

Меня раздражал и нервировал этот разговор, и я повернулась к низенькой, рыжеволосой Лариске, сунула ей в руки упаковку с крабовыми палочками.

– Вот крабовые, приготовишь салат сама. И еще...хватит об этом, ладно? Хватит. Я подумаю. Я не отказала Денису. Я просто пока не уверена, что хочу опять настолько серьезные отношения, что хочу в своем доме чужого мужчину и...

– Вот и станет родным. Дай этому шанс. Дэн классный, добрый, своя компания, машина, квартира. Твою могут скоро оттяпать, и куда пойдешь? На улицу? Что тебе еще надо, Снегова? Не мужик, а сказка!

– Огнева..., – автоматом поправила ее я.

– Ну знаешь, я тебя с трех лет называю Снеговой и дальше буду, хоть тыщу раз замуж выйди. Для меня ты Ледышка, как в детстве, и руки у тебя до сих пор, как рыба, холодные. И

вообще, мужнину фамилию можно менять вместе с мужиком, а своя девичья – навсегда. Вот я, когда вышла замуж, не меняла, и Филька молчит.

«Надо разогреть тебя, Снегова...поджечь, да так, чтобы искры из глаз посыпались. Поэтому Огневой будешь, поняла? И точка! Отказы не принимаются!»

Голос покойного мужа раздался эхом в голове, и я даже увидела его силуэт в военной форме.

«Есть, майор Огнев»

Отдала ему честь, и он подхватил меня на руки...

Силуэты растаяли и исчезли так же стремительно, как и появились.

– Угу. Можно подумать, он мог сказать хоть слово тебе поперек.

– Да. Не мог. Потому что вот он у меня где! Я бы ему никогда не позволила с собой как... – она показала маленький кулачок и потрясла им у меня перед носом. Но мы обе поняли, на кого она намекнула. Я уже давно не обижалась. Все знали, что Сергей был сложным человеком.

– Ты лучше скажи, что нам Антону подарить? Чтоб играл, чтоб пригодилось. Мы с Филькой голову сломали. Я вот думаю, мяч или лыжи, а он заладил, что надо машинки или развивашки какие-то.

Я улыбнулась и посмотрела на полку с мягкими игрушками, конструкторами и детскими играми. Ничего из этого можно не покупать. Мой сын не оценит. Но ужасно хочется, и поэтому я все равно куплю вон того огромного тигра и поставлю под елку. И Ларке скажу, чтоб купила ему конструктор, и буду сама его собирать.

«– Екатерина Олеговна, вот в полноценных семьях, где есть общение с матерью и с отцом, где ребенок слышит много чужой речи, развитие происходит быстрее. Понимаете? Результат наступает намного раньше.

– Понимаю.

– Вам нужно приглашать друзей, других детей и...возможно начать устраивать личную жизнь, чтобы в доме появился мужчина, как пример для подражания. Мальчику это необходимо.

– Да, я знаю. И работаю над этим.

– Вот и хорошо. Продолжайте заниматься по обычной методике, а через месяц...»

– Кать...обещай, что ты, и правда, подумаешь. Обещай.

Ларка обхватила мое лицо ладонями и внимательно посмотрела мне в глаза.

– Хочу увидеть тебя снова счастливой, понимаешь? Очень хочу! И чтобы проблемы с деньгами закончились!

Я вдруг подумала о том, как мне ужасно повезло с Лариской, какая она у меня классная, и червяк сомнения начал сдыхать, корчиться в агонии. Нужно задавить его окончательно. Да, она права. Мне нужна помощь, нужны деньги и...да, хватит хранить верность тому, кого больше нет.

– Я подумала.

– И?

– Я приму его предложение.

– Правда? – Ларка взвизгнула и даже несколько раз подпрыгнула. – Это охрененная новость. Уииии. Я сейчас сдохну от счастья.

– Только попробуй разболтать раньше времени или позвонить Дэну, я тебя побью, Свиридова. Я сама ему скажу.

– Хорошо. Я молчок. Я могила. Ты ж знаешь. Я даже Фильке не скажу.

Врет. Конечно, скажет. Сейчас прибежит домой, швырнет сумки и первым делом начнет верезжать о том, что я согласна выйти за Кондратьева.

– На Новый Год мы же у тебя, да? Как всегда? Мама приедет?

– Да, мама приедет, и мы все у меня.

Единственное, что мне осталось после гибели Сергея и не было продано за долги – это трехкомнатная квартира, которую ему дали за заслуги перед Отечеством. Но и это ненадолго, скоро и ее могут забрать.

Праздники чаще всего отмечали у меня. Ларка с Филиппом живут в однушке, Кондратьев тоже в «студии» в центре, а мама приедет из другого города... А вообще, кому я вру. Мы никуда не пойдем, потому что Тошка будет чувствовать себя ужасно в другой обстановке, и нам все равно придется вернуться домой.

– Кстати, все время забываю спросить, а как ключи отыскались?

– Особо и не искали. Может быть, Антошка их вынес из дома и уронил на лестничной площадке. Консьержка нашла и вернула мне.

– Замки не хочешь сменить?

– Зачем? У меня и взять нечего. Разве что письма от кредиторов и обманутых покупателей, которые так и не получили свой товар.

– Ну мало ли. Сейчас и просто так людей убивают.

– Кому мы нужны?

Усмехнулась я и подумала о том, что продала все, даже ноутбук, когда на нас посыпались судебные иски по невыполненным обязательствам.

– Я бы сменила.

– Может быть, и сменю, но сейчас мне точно не до этого. Ладно, Ларис, спасибо тебе. Я завезу все это домой и за Тошкой побегу в сад.

– Давай мы с Филей завтра на машине закинем тебе продукты? А ты поезжай за Антоном и заодно деньги на такси не потратишь. Я еще поброжу здесь. Филипп меня через час заберет из центра. Ты, кстати, так и не сказала, что купить мелкому.

– Купи ему конструктор. Лего. С домиками.

– Он сможет собирать?

– Сможет.

– Ооо, у вас прогресс?

– Да, у нас прогресс.

Соврала я и чмокнула ее в щеку.

Первый снег падал и тут же таял, превращался в грязь под ногами, но запах праздника уже витал в воздухе, поблескивал огоньками из витрин и из окон домов. Праздник. Какое обычное слово, как и любое другое, но мы сами придаем ему смысл и радужную окраску. Каждый человек сам себе создает праздник. В магазине, где я работала кассиром, моя сменщица ворчала, что Новый Год – это разорительство, и кому он нужен, она даже елку покупать не будет.

А я смотрела на нее и думала, что не хочу такой стать, не хочу, чтобы меня больше ничего не радовало, чтобы все стало серым, чтобы все раздражало и вызывало злобу. Праздник живет в самом человеке и создается человеком. А у меня сын. Мне есть ради кого радоваться жизни.

Сегодня же надо нарядить елку и повесить любимую гирлянду Тошки в коридоре. Посмотрела на часы и потеряла замерзшие руки. Забыла перчатки дома. Снова подумала о словах Ларисы насчет оливье, и больно кольнуло в районе сердца, где-то глубоко под ребрами привычно заныло. Сергей любил оливье. Он любил его всегда и по любому случаю, и я готовила для него по-особенному, так же, как и его покойная мама – с ложечкой сметаны и с отварной морковью. Это будет восьмой Новый Год без него. А мне иногда кажется, что вся моя жизнь после его ухода ненастоящая. Что я живу во сне, и когда открою глаза, то увижу рядом его небритое лицо, взъерошенные русые волосы и нос с горбинкой, он потянется ко мне и сгребет в

охапку своими большими руками, а потом залезет под ночнушку и по-хозяйски сожмет грудь, зарываясь носом в мою шею. Мы займемся любовью, и я буду громко стонать и кричать, а на самом деле думать о том, что хочу в туалет и нам нужно почистить зубы. Изобразю оргазм, потом мы ляжем рядом друг с другом, и я все равно буду думать о том, как мне с ним хорошо. Даже вот так. Когда мне не особо хочется секса и когда я не кончила. Хорошо, потому что хорошо ему. Потому что я люблю его.

А чуть позже зазвонит будильник, Сергей вскочит с постели, оденется за две минуты, как в своей армии, и с бутербродом в зубах выскочит за дверь. Внизу его будет ждать машина, и он снова уедет на неизвестное количество времени. Туда, где страшно, туда, где смерть...

Вот и сейчас мне все еще кажется, что он тоже уехал... просто еще не вернулся назад... Так странно. Я вроде помню каждую мелочь, помню слова, помню его запах... но почему-то не получается отчетливо представить его лицо. Оно выскальзывает из темноты или из тумана. Я его вижу, но не могу ухватить целиком, не могу рассмотреть, удержать. Оно снова расплывается и исчезает. Мой психолог говорила, что это нормально, что именно так наш мозг пытается притупить сильную боль. Она сказала, что нормально спрятать все фотографии и вещи, сказала, что нормально убрать подальше видеозаписи и не хотеть лишний раз случайно увидеть кадр, где мой муж живой. Что это тоже защитный механизм, и рано или поздно, когда я буду готова – то я смогу спокойно смотреть наши старые альбомы с легкой грустью. Каждый год я думала, что это время настало, спускалась в подвал, доставала коробки и... долго не сводила с них взгляд, не решаясь открыть. И чувствовала, как по щекам текут слезы. Ставила их обратно и уходила. С психологами для себя было покончено через три года... когда забота о сыне заставила забыть о своих проблемах.

Пока ехала в трамвае и смотрела в окно сквозь свое отражение почему-то вспомнила наш последний разговор с мужем. Как же я ненавижу слово «покойный».

Сергей стоит у двери, на нем джинсы, черный свитер и теплая куртка. Но это не зима, а ранняя весна, и за окном тает лед, капает вода с тающих сосулек. Я ужасно не хочу, чтобы он уезжал, мои глаза опухли от слез, а он равнодушно закидывает спортивную сумку с красными полосками по бокам через плечо и говорит мне:

– Твои истерики осточертели. Ты знала, за кого выходила. Не нравится – разводись!

У меня в кармане тест на беременность, он ярко-полосатый, и я не знаю, сказать ли ему о ребенке... особенно после слов о разводе. И разве что-то можно удержать именно этим? Что-то можно склеить? Мне невыносимо больно, и я не хочу расставанья на такой ноте. Мне очень хочется все исправить.

– Ты обещал... ты же обещал, и фирма приносит прибыль, Сергей!

– Что она приносит? Пока только вкладываемся! Пойми, Катя, это все, что я умею. А там много денег! Много, понимаешь? Я не привык жить в этой серости, в этой вечной гонке! Я только и умею – воевать! Даже бизнес этот... ради тебя затеял, и толка никакого. Не торгаши я! Ясно? Не за того ты вышла! И вообще... думаю, нам надо пожить отдельно. Вернусь, и поговорим об этом.

Сколько раз потом я хотела забыть эти слова. Стереть из памяти. Чтобы их не стало. Хотела помнить только, как мы любили друг друга.

– Сергей!

– Хватит! Мне пора!

– Сергей!

Я побежала за ним, чтобы поймать у двери, чтобы схватить, обнять, чтобы сгладить вот эти ужасные последние слова, но он отстранился. Словно я была ему неприятна, словно мы теперь совершенно чужие.

– Прости... я все не то говорю, я просто боюсь, каждый раз ужасно боюсь, и я хотела сказать, что я...

– Мне пора! Понимаешь? Все! Прощай!

Отодвинул меня в сторону и быстро пошел вниз по ступенькам. И я даже не успела ему сказать, что беременна, что у нас будет ребенок. Я рыдала за приоткрытой дверью, стоя на коленях и прислушиваясь к его удаляющимся шагам. А через месяц... через месяц ко мне пришёл груз двести. И этот ужасный разговор оказался нашим последним.

Объявили мою остановку, я спрыгнула с подножки вниз и быстрым шагом пошла в сторону садика.

Глава 2

Мимо меня пробегали ребяташки, радующиеся первому снегу, кто-то шел за руку с родителями и рассказывал новогодние стишки, громко смеялся, кто-то с криком встречал маму на пороге. Я сняла пальто, повесила на вешалку и, надев бахилы, зашла в группу.

– Добрый вечер, Алиса Дмитриевна, а где Антон?

– Добрый вечер, Екатерина Олеговна. Он на своем любимом месте. Где ж ему еще быть?

Прозвучало с нескрываемым раздражением. У нас с педагогом была «легкая» неприязнь, и мы практически не общались.

Воспитательница поправила рыжую прядь волос за ухо и показала рукой в сторону. В игровом уголке я увидела своего сына, склонившегося над аккуратно выстроенными в один ряд маленькими машинками. Он как раз закончил строительство и теперь пристально рассматривал свои ручки. Подносил их к лицу и двигал пальчиками у самых глаз, как будто нашел в них что-то очень интересное. Какой же он красивый малыш, кукольный, со светлыми волосиками, огромными, как озера, глазищами, с ресничками, как у девочки, и пухлым ртом. Мой маленький принц. Я бы жизнь отдала, чтобы у тебя было будущее, как у всех. Но этого не случится. Твое будущее будет особенным... если только не случится чуда.

– Тошкааа! – окликнула я сына с привычной надеждой в душе, что он вот сейчас отреагирует и обернется, обнимет меня, закричит радостно «мама». Но этого не произошло. Как и всегда. Тошка продолжил рассматривать свои руки. Когда я обнимала его и целовала, он делал то же самое и лишь возмущенно замычал, когда я прервала его занятие и увела в раздевалку.

– Как прошел день? – спросила у воспитательницы.

– Как всегда. В углу с кубиками и с машинками. А вы... не думали, может быть, о специализированном садике или развивающем центре для отстающих детей?

Повернулась к ней и, судорожно сглотнув, тихо ответила.

– Антон не отстающий. У него аутизм, и он может и должен находиться с обычными детьми. Если вас этому не учили, то думаю, что не ему нужно сменить сад, а вам место работы.

Антон потрогал мое лицо, и я повернулась к нему, чтобы одеть его дальше. Малыш не смотрел мне в глаза, но он выглядел грустным, как будто понимал, что именно сказала воспитательница, и от этого мне стало еще больнее. Издалека донесся голос Алисы Дмитриевны, возмущенно беседующей с нянечкой. Она не особо старалась понизить тон, прекрасно понимая, что я ее слышу.

– Водит его сюда. Ему уже почти семь. Пусть в школу ведет специализированную или куда там положено таким вот. Портит мне статистику. А он сядет в углу и в лучшем случае мычит. Не накормишь, не уложишь. Сама не понимает, что ее сын с придурью, и других оскорбляет. Видите ли, я не знаю, что такое аутизм. Это она не знает, что с этим ничего не сделать, и что ее сын действительно умственно отстающий.

Антон снова тронул мою щеку, а я сильно прижала его к себе и расцеловала мягкие тонкие волосики светло-русого цвета. От щемящей любви к сыну сдавило грудь и стало нечем дышать. Я могла поскандальить с воспитательницей, но Тоша очень боялся ссор и плакал, когда рядом с ним ругались или повышали голос. Спокойствие моего ребенка мне было дороже.

Когда вышли на улицу, я выдохнула и повела Антошку к остановке. Но он упирался и не хотел идти, его привлек снег. Он трогал его ногами, а потом начал крутиться вокруг себя и смеяться, ловить снежинки раскрытыми ладошками.

– Дааа, Тошенька, снежок выпал. Красиво очень. И мы поедем домой, нарядим елочку. И к нам в гости приедет дядя Денис. Идем. Давай маме ручку.

При мысли о Денисе возникло странное чувство... какое-то ощущение, что что-то не так. Точнее, вот все хорошо, вот он хороший, внимательный мужчина, симпатичный, смотрящий на меня влюбленными глазами... а внутри не покидает ощущение, что это все не то, не так и не с тем.

Вдалеке посигналили, и я увидела темно-синюю машину Кондратьева. Легок на помине. Наверное, Лариска доложила, что я побежала за Антоном, и он решил нас забрать.

Денис шел мне навстречу. Высокий, крупный, с широким лицом и с этим вечным хорошим настроением. Он улыбался, и я даже подумала, что, наверное, каждая женщина может мечтать о таком парне. И мне надо «дать этому шанс», кажется так сказала Лара.

Денис поправил вязаную шапку, его широкий нос покраснел, со рта шел пар, и теперь он напоминал мне Деда Мороза. Не хватало только бороды. Да, Ларка права. Он красивый, сильный, надежный, и я должна отбросить все сомнения. Тошке нужен отец, а мне пора начать жить по-настоящему.

– Привет! – он чмокнул меня в щеку, потрепал Антошку по бубону, припорошенному снегом. – Ты чего не позвонила? Снег метет, а вы пешком собрались?

Пока говорил, отобрал у меня рюкзачок сына и снова улыбнулся.

– Я все равно раньше закончил и к вам. Продукты уже забрал у Ларки твоей.

– Привет, – ответила я, когда он закончил, – не хотела беспокоить по пустякам. Мы бы и сами доехали, здесь всего четыре остановки.

– Тоже мне беспокойство.

Он хотел взять Антона за руку, но тот одернул ее и спрятался за моими ногами.

– Ладно. Идемте в машину. Холодно.

Уйти сразу не получилось, Антону нравилось на улице, и его сильно забавлял снег. Ловить его в ладонь и наблюдать, как он тает на варежке. Поэтому он сильно воспротивился, когда я попробовала увести его к машине. Закатил истерику.

– Я подожду внутри, пока Антон успокоится.

Сказал Денис и сел за руль. Он никогда не лез с советами и не вмешивался, когда Тошка истерил, и мне это нравилось. Терпеть не могла, когда ко мне лезли с советами или пытались помочь, а иногда просто орали, что я чокнутая мать и потакаю сыну истеричке. Объяснять всем и каждому, что Тошка особенный, я не собиралась.

Я опустила перед малышом на корточки и взяла его за руки, пытаюсь безуспешно поймать его взгляд. Как же это больно, когда твой ребенок на тебя не смотрит, когда не говорит слово «мама», когда все, что ты делаешь, кажется... кажется ему ненужным, как и ты сама. Но я верила, что он меня любит. Я чувствовала это всем сердцем. Мой мальчик нуждается во мне очень сильно.

– Тошенька, хороший мой. Пойдем домой. Денис отвезет нас. Ты будешь смотреть на дорогу, а дома мы повесим гирлянду и будем играть. Гирлянду с огоньками. Так-так, так-так, так-так.

Пока говорила, показывала пальцами огоньки, сжимая и разжимая кулаки. Антон улыбнулся в никуда, слабо повторил пальчиками «так-так» и наконец-то позволил усадить себя в машину.

Мы весь вечер наряжали елку, затем вешали гирлянду в гостиной, и Тошка долго смотрел на мигающие лампочки и делал пальчиками свои привычные движения-стимы. Денис спустился со стула, а я вспомнила, как эту же гирлянду вешал Сергей. Мы купили ее вместе в торговом центре. Я придерживала его за ноги, так как у нас в квартире из мебели была кровать, тумба и колченогий табурет. И на этом табурете он балансировал с молотком в руках и гвоздем

в зубах. Ножка все же сломалась, он упал, я на него... мы забыли о гирлянде и целовались, как сумасшедшие.

У Тошки такие же серо-зеленые глаза, как и у отца, и волосы такие же... только он сам не такой. И я не знаю, принял бы его Сергей и что было бы, если бы он вернулся. Мы бы развелись или все же сумели начать все сначала? Но этого я никогда не узнаю.

– Ему нравится гирлянда. Кать, Антон радуется, да? Он реагирует на нее.

Денис подошел ко мне сзади и обнял за плечи. Картинка с Сергеем поблекла и растворилась в воздухе. Чужие руки оказались совсем другими, и запах сладковатого парфюма забился в ноздри.

– Да, ему нравится все яркое и мигающее. Пойду отведу его в душ и в кровать. Подожди меня на кухне. Я постараюсь побыстрее.

– Конечно. Чайник уже закипел.

Я укладывала Антона нарочито долго, читала ему сказку, зная, что Денис ждет на кухне, помешивая сахар в чае, а мне страшно, что сейчас состоится этот разговор, и что мне придется сказать ему «да», а потом позволить все то, что происходит после этого «да». Пока что дальше поцелуев не заходило, и то мы поцеловались всего пару раз. Оба раза мне показалось, что это не так плохо, как я себе представляла. Но и не так хорошо, как я помнила. А шарящие по моему телу руки... к этому я пока не готова. Нас с Кондратьевым познакомила Ларка. Случайно. Он работал с Филиппом. Поставлял им какой-то товар. Я не вникала, что именно. Меня мало занимала чужая деятельность и чужие доходы. Мы вместе отметили какие-то праздники, потом он взял меня в свой кол-центр администратором, и я перестала работать в магазине в две смены. Зарплата стала намного лучше, и появилось свободное время. Пока кредиторы не начали давить с новой силой, и не пришлось начать думать о третьей подработке. Денис хотел, чтобы я работала только у него... но я не могла ему рассказать, сколько денег трачу на логопедов-дефектологов, психиатров, развивающие центры, и сколько из меня тянут кредиторы мужа, который взял деньги, а товар так и не прибыл.

Денис, и правда, ждал меня на кухне только не за столом, а у окна. Когда я вошла, он снова улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой. Его светлые волосы примялись от шапки, глаза блестели, и он явно предвкушал все, что должно сейчас произойти. А мне вдруг подумалось, что все семь лет у меня не было мужчины, и я забыла, что значит впустить кого-то в свою постель и в свое тело. И не была уверена, что готова к этому именно сегодня.

– А я пока помыл посуду.

«Сказка, а не мужик» – прозвучал голос Лариски в голове, и подумалось о том, что Сергей никогда посуду не мыл, «бабское это дело» говорил он, чмокал меня в макушку и заваливался в кресло со смартфоном.

– Спасибо.

– Кать... я хотел спросить...

Он приблизился ко мне и взял меня за руки. Красиво и приторно до тошноты. Но, наверное, вот так и должно быть. А не как у меня с Сергеем, который мне даже кольцо не дарил, а притащил в ЗАГС, и мы просто поставили свои подписи, а потом он укатил снова куда-то в неведомые дали. Где нет телефонов, нет интернета и вообще ничего нет.

«Ты вечно находишь себе проблемы, дочка. Тебе не нужны хорошие парни, тебе не нужно спокойствие. Тебя тянет к таким вот, как твой Огнев. К бешеным и чокнутым психам... А Валентин слишком хороший для тебя. Только потом не жалуйся... когда твой майор променяет тебя на очередную войнушку».

Валентин... мой первый ухажер-американец, которого так любила моя мама. Пришло время выбирать хороших. Теперь я все сделаю правильно. Кондратьев достал из кармана заветную бархатную коробочку. Надеюсь, он не встанет на одно колено, иначе у меня сведет скулы от сладости.

– Катя, ты не сказала «нет», и я взял на себя смелость купить вот это...

Он открыл коробочку и протянул мне.

– Теперь уже официально и... Вот. Я люблю тебя, Катя. Выходи за меня замуж.

Я смотрела на красивое золотое кольцо с дорогим камнем и чувствовала, как пылают мои щеки, как сильно колотится сердце. Не от счастья, а от непонимания, чего я, и правда, хочу. От непонимания – нужно ли мне это кольцо, этот мужчина и новая жизнь. Что-то внутри подсказывало, что так надо, что так правильно, и я должна согласиться, и едва я собралась произнести «да», зазвонил домашний телефон. От неожиданности я вздрогнула и выронила коробочку, кольцо покатилося по полу в сторону холодильника и исчезло под ним. С радостным «мяу» неизвестно откуда появился Маркиз и проскакал следом за кольцом.

– Я достану. Ответь. – сказал Денис.

Стационарный телефон звонил так редко, что я с опаской подошла к аппарату, не имея представления, кто бы это мог быть. Сняла трубку и поднесла к уху.

– Да... Алло.

– Екатерина Олеговна Огнева?

– Да...

– Это генерал Павлов Алексей Эдуардович. Помните меня?

– Здравствуйте, – очень тихо произнесла я... Последний раз этот человек звонил, чтобы сообщить о смерти Сергея. Отчего-то сердце очень сильно сжалось, и мне стало трудно дышать. Эффект дежавю, и как будто меня сейчас снова разорвет от адской боли. Даже перед глазами потемнело и пульс забился в висках.

– Добрый вечер. У меня для вас важная новость – ваш муж Сергей Антонович Огнев жив.

Я ощутила, как подкашиваются ноги и как сдавливает грудь, облокотилась о стену, ловя воздух пересохшими губами.

– Слышите? Ваш муж жив. В ходе секретной операции нам удалось освободить его из плена. Сейчас майора везут к нам, если вы хотите и можете, я пришлю за вами машину. Вас доставят в штаб.

Я медленно сползала по стене, сильно сдавливая трубку и глядя на то, как старательно Денис пытается достать из-под холодильника укатившееся кольцо. Наконец-то ему это удалось, и он с победным видом обернулся ко мне, сжимая перстень указательным и большим пальцами, и тут же перестал улыбаться.

– В чем дело?

– Сергей... мой муж... он... жив... – пробормотала я одними губами и села на пол.

Глава 3

У меня не было времени подумать, принять, осознать. За мной уже ехала машина генерала, а я стояла в ванной и испуганно смотрела на свое отражение, пытаюсь отдышаться. Но кислород не поступал в легкие. Сейчас придет Лариса, посидеть с Антоном... За дверью Денис, который шокирован новостью не меньше, чем я. Где-то на столе на кухне осталась коробочка с кольцом. И умерло в раскаленном воздухе так и не произнесенное «да».

Но все это стало каким-то мелким, отошло на десятый план. У меня в голове звучали только слова Павлова «ваш муж жив». Они повторялись и повторялись. Били по венам, по нервам и заставляли тяжело дышать.

Я помнила тот день, когда мне сказали о его смерти, очень смутно. Как будто он прошел в жутком сне, как будто часть всего, что происходило, стерлась и размазалась от моих слез. Все эти дни в ожидании тела, подготовка к похоронам и поминкам. Свидетельство о смерти, доклад о том, как это произошло. Жуткое понимание, что моего любимого мужчину разорвало на части снарядом.

Я не могла его опознать лично, гроб не открыли... Мне лишь показали фото фрагментов тела и одежды. Щадящие фото, от которых я постоянно теряла сознание, и меня приводил в чувство их военный врач, подносил к моему носу ватку с нашатырем. Опознать было трудно... но я узнала татуировку, узнала кривые лунки ногтей, нашитые инициалы на футболке. Не помню, что именно... но помню, что сомнений не осталось, и помню, что мне тоже хотелось умереть.

Антошка не дал. Осознание, что он растет во мне, что это часть Сережи, что это его прощальный подарок для меня, не дали мне сойти с ума.

«Что ты так по нему страдаешь? Козлом был твой Сережа! И ты прекрасно об этом знаешь!»

Потом, спустя время я много думала о наших отношениях и понимала, что она права. Скорее всего, мы бы развелись. Он бы ушел от нас с Тошкой. И... мужем Сергей был таким себе. Я все это понимала, и любовь моя казалась детской, неправильной. Сейчас бы мне было сложно ужиться с Сергеем. Наверное. Я привыкла одна.

«Он тебя не любил, и его любить тоже особо было не за что!»

Маме он очень не нравился. Они не ладили сразу после нашей свадьбы, и ездила я к маме потом одна. У Сергея всегда было тысячу причин не поехать к ней, а мама выдумывала такие же причины не навещать нас. Для мамы все мужчины были козлами и мой отец в том числе. Он нас бросил, когда мне исполнился год, ушел к другой, а потом погиб в аварии. Мама говорила, что это его Бог наказал. Теперь у нее завелся ухажер, и все свое свободное время она уделяла ему. Помогала финансово нам с Тошкой и постоянно злилась на то, что фирма Сергея доставляет столько неприятностей, но приезжать не торопилась. У нее работа и своя личная жизнь. В няньки она не записывалась. Примерно так высказалась Ирина Владимировна, когда родился Антон, и я вернулась из роддома домой.

«Он оставил тебе кучу проблем, включая своего сына!».

Мама давала мне деньги на аборт после смерти Сергея. Она считала, что мне одной ребенка не поднять, особенно с его долгами. Потом, когда проявилась особенность Антона, она сказала мне ту фразу, которая воздвигла между нами стену: *«Если бы ты сделала аборт, Катя, то сейчас не возилась бы с этим инвалидом, а устраивала свою личную жизнь. Кому нужен такой довесок? Со здоровыми не берут, а у тебя такой... проблемный. У меня сил и времени на возню с ним нет!».*

Пиликнул сотовый.

«Машина внизу. Вас ждет шофер».

Начало немного подташнивать от волнения. Как будто все в тумане. Я собрала непослушные очень светлые волосы в хвост на затылке, покусала бледные губы, тронула пальцами синяки под глазами. Наводить макияж времени нет. В коридоре слышалась возня и шепот. Лариска приехала. Когда вышла из ванны и посмотрела на нее, она выглядела так же испуганно и встревоженно, как и я. Кусала губы. Я быстрым шагом подошла к ней, и она меня крепко обняла.

– Ладно... я пойду. Потом созвонимся.

Голос Дениса донесся как сквозь вату. Я кивнула и схватила его за руку. Мне было очень стыдно. И совсем нечего сказать. Но я понимала, что и ему сейчас плохо.

– Прости...

– Нет, я все понимаю. Ты здесь не при чем. Разберись со всем и поговорим.

– Да... поговорим.

Согласилась я, не зная, что еще сказать. Когда он вышел, Ларка вцепилась мне в плечи.

– Как жив? Как это вообще может быть? Что именно тебе сказали? Может, это ошибка?

– Что жив, был в плену... что везут в штаб. Лар... мне страшно.

Я сдавила ее руки и судорожно выдохнула.

– Так. Успокойся. Хочешь, я тебе успокоительного дам? Будешь как удав!

– Не надо. Я соберусь и...и... О Боже! Лараааа... это же он. Сергей. Понимаешь? Он вернулся. Выжил!

Истерически прохрипела я, впиваясь в ее пальцы.

– Тихо... тихо. Давай, соберись. Встретишь его. Увидишь и... решишь, надо тебе это или нет. Семь лет не один день. Он тоже должен это понимать. Может, посмотрите друг на друга и в разные стороны разбежитесь.

Но для меня ее слова были далеки от реальности и как-то ужасно жестоки, неправильны. Я не хотела, чтобы так случилось или... я не знаю, чего бы я хотела. Мужчина, которого я думала, что люблю, жив.

– Я не знаю, что надеть, я так растерялась... у меня голова кружится и тошнит. Не знаю, куда себя деть.

– Так... выдохни. Надень бордовое платье, волосы заплетем, припудрись и румяна нанеси, а то ты бледная как смерть. За Антошку не переживай. Я с ним до утра буду. Мало ли, может, удержишься там.

К машине я вышла, как на шарнирах. Руки ватные, ноги ватные, в голове гудит. Шофер в военной форме, честь отдал, представился. Открыл дверцу служебной машины, вежливо помог сесть.

Из-за нервов я не могла перестать задыхаться. Я буквально слышала, как вдыхаю и выдыхаю воздух. В машине тихо, и мне кажется, что мое сердце колотится так громко, что этот звук раздается эхом по салону.

Семь лет. Семь. Я, наверное, очень изменилась за это время. Я, наверное, стала похожа на... старуху. Он помнил меня двадцатидвухлетней. А теперь мне почти тридцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.